

Александр Торопцев

Сократ для зверей и ребят

(Книга Леонида Сергеева «Мои друзья»)

«Зверушкин Сократ»

С прозой Леонида Сергеева я знаком около 25 лет. И все эти годы мне не давали покоя немаловажные для любого писателя, да и читателя, вопросы: «Как удастся этому человеку найти такие тонкие, но крепкие, не рвущиеся, и в то же время безболезненные для людей, детей и взрослых, объёмные линии сопряжения между человеком разумным, «себе на уме», и «братьями нашими меньшими», которые тоже ведь «себе на уме»? Что же делает его героев (то есть, детей, людей и зверей) и понимающими, и знающими (!), и чувствующими великие тайны друг друга?»

Совсем недавно я нашел ответы на эти и другие вопросы в одном, но очень объёмном, слове – Сократ!

Не пугайтесь, юные читатели и их родители, этого имени! Сократ именно тем-то и отличался от других мудрых людей Древней Греции, да и всего Земного шара, что он никого не пугал, он говорил с простолюдинами и с крупными мыслителями на равных. Он был непревзойденным гением «диалога равных» в миро-вой культуре, в мировой педагогике, в мировой литературе.

«Диалог равных», беседу на равных вести очень сложно. Взрослые со школьных лет, а еще не повзрослевшие люди на свежем опыте знают, как трудно иной раз понять учителя. А все педагоги прекрасно знают, как это не просто: войти в душу ученика, или студента, или аспиранта, понять его, познать его интеллектуальные возможности, почувствовать тайны его души и вести с ним разговор на равных с тем, чтобы он сам (!) находил свои собственные тайны, свои истины...

Но это «диалог равных» человека с человеком, а как же трудно «вести беседу» равных человеку с той же кошкой, например! Скажу честно, у меня такого разговора не получалось ни с кошкой-Муркой в детстве, ни с котом-Петрушей в молодые годы, ни с

кошкой-Машкой – сейчас. Я честно хочу превратиться в зверушкиного Сократа – в Леонида Сергеева, да не получается. Не дано!

Великие тайны друг друга

Именно так – тайны друг друга. «Но разве можно знать, чувствовать и понимать тайну? – может спросить меня пытливый читатель. – Если я «раскрыл» тайну, то она тут же перестает быть тайной!»

Вполне резонное замечание! И здесь мне на помощь приходит величайший из греков, который начинал свои «диалоги равных» с признания: «Я знаю, что ни-чего не знаю!» и далее он каким-то, ему единственному подвластным методом, во-первых, внушал собеседнику, что только он, собеседник, и может помочь ему, Сократу, познать истину. Естественно, любой собеседник, поверив в это, включался в диалог, искал в нём самого себя, свою тайну, то есть истину, которую не знал, но очень хотел узнать Сократ.

«Какую же истину искали мальчик и резиновый бегемот Гошка, которого наспех склеил дядя мальчика из баллонов пятитонки?! – может возмутиться все тот же пытливый читатель. – Это же даже не домашнее животное, это всего на всего игрушка, у которой ни души, ни разума, ни сердца нет и быть не может!»

В том-то и дело, что МОЖЕТ! Еще мыслители Древней Индии говорили, что у любой песчинки есть душа. А значит, есть и тайны песчинковой души. Можно, конечно же, им не верить и даже посмеяться над ними, но, вспомните, как часто писатели «играли» с разными предметами в «душевные игры»! Чего только они не одушевляли: ботинки со шнурками, столы со стульями, диваны, шкафы, посуду и т. д., и т. д. Но только в редчайших случаях у них получалось то, что, на мой взгляд, мастерски сделал Леонид Сергеев.

Он, действительно, смог убедить читателя в том, что его резиновый бегемот – самый что ни на есть живой бегемот, а не игрушка какая-то! Иной раз я ловил себя на этой мысли: а может он и в самом деле живой. А ведь – живой, с великой тайной своей души.

И, вот еще что удивительно в прозе Леонида Сергеева, эти души – человека, зверей и даже резинового Гошки – рожают в общении друг с другом, может быть, самые важные истины: линии без конфликтного сосуществования. Причинами почти всех конфликтов являются незнание, непонимание и бесчувствие. «Друзьям» Сергеева эти причины

неизвестны.

«Меньшие ли братья»?

Если говорить откровенно, то мне не понятно словосочетание «братья наши меньшие», хотя бы потому, что эти «братья» и все их «сестры» появились на Земном шаре раньше людей. Так написано в Священных писаниях многих народов мира, так утверждает эволюционная теория Дарвина. Выходит так: «старшие братья», но почему-то «меньшие».

А в книге «Мои друзья» мы все равные! Хотя далеко не каждому из «больших», но «младших» удастся не просто это чувствовать, но этим жить, жить на равных, жить так, как живут «друзья» Леонида Сергеева, в том числе и с ним самим.

Нужно ли детям знать об образно-интуитивном мышлении?

Конечно же – не нужно. Но русскому писателю помнить об этом необходимо и также необходимо по Сократовски осторожно вводить в свои тексты «доступные» детям метафоры и искать в мире детей и взрослых тайны из образно-интуитивного пространства, сложнейшего.

Многие современные детские, и не только детские писатели, забыли, что в русском человечестве доминирует образно-интуитивное мышление, что это является субстанциональным нашим качеством. Они пишут приключения – даже не для людей с системным мышлением, но для прагматиков. Не хочу их обижать, хочу им лишь напомнить, что, изменив субстанциональное качество любого на-рода, можно его уничтожить без применения любого вида вооружений.

Леонид Сергеев не играет с читателями в человечков-прагматиков, бегающих по страницам в поисках надуманных приключений. Он, как говорят, идёт от жизни, от метафорики жизни:

«Я верил, что веселые и добрые карлики живут где--то среди нас, и долго разыскивал их маленькую страну. Облазил чердак, холодный сырой подвал, по-стройки вокруг дома, сумрачные закутки за сараем; обошел забор, заросший мышинным горохом, осмотрел все кусты с бело–розовыми граммофонами व्यюна, но гномов нигде не встретил». Какие у него симпатичные «бело-розовые граммофоны व्यюна»!

Что такое «тьма вещей» и как с ней бороться?

Авторы современных сериалов пытаются приучить читателей и писателей к

сериальному мышлению, к дотошно писанию. Не дай, Бог, чтобы это случилось.

Любой читатель очень быстро поймёт, что того же «Бегемота» можно увеличить хотя бы в два-три раза. Вспомним, например, тот эпизод, когда семья мальчика собиралась в деревню, собралась. Мальчик добился того, чтобы в деревню взяли Гошку. Взяли. Далее текст:

— Я буду его крепко держать, — ответил я и показал, как буду держать Гошку. В деревне было раздолье...»

Дорога! Здесь нет дороги, которую такой мастер мог бы написать, да еще как! Но Леонид Сергеев, путешественник! пожертвовал дорогой, потому что он прекрасно понимает, что такое «тьма вещей» в писательской работе, и что такое — проза.

Коротко о «Зверинце в моей квартире» и о писательской памяти

Писать по памяти не так уж просто, хотя бы потому, что память у всех людей избранная и, частенько, она оставляет в закоулках души немало мусора, из той же «тьмы вещей». В «зверинце» Леонида Сергеева, как, впрочем, и в других частях его книги, практически, нет ненужного, не важного, не обязательного для той сверхзадачи, которую он решал в каждой новелле. А, между тем, читается легко, в лёт. И почему-то мне вспоминаются русские сказочницы, поразившиеся в своё время Киршу Данилову своим импровизационным талантом. Они могли сказывать сказку на одну и ту же тему сколько угодно раз по-новому сценарию. Тема — одна, а импровизационное её оформление всякий раз — новое. Почему-то у меня появилось такое ощущение: будто Леонид Сергеев в очередной раз сказывает мне новый вариант своих «зверинцевых» историй.

Может быть, поэтому они выглядят свежими, даже если их перечитывать по два-три раза?

Постоянное состояние удивленности

Удивленность и способность передавать её и заражать ею читателя — это ведь тоже качество крупного писателя, особенного рискнувшего творить для детей.

«Поиграю я с Чижулей, послушаю его песенки и говорю: «Ну все, Чижуля, иди на место, в клетку». И он моментально летит в свою «квартиру». Как-то я под-считал — Чижуля выполнял целых восемь команд! Ко всему прочему, он научился пить воду из крана — ну,

конечно, при слабой струйке — сильной побаивался. И какие там условные рефлексy?! Он явно понимал, что я говорил, отдавал отчет своим поступкам. Ну не могли же его предки открывать дверцы клеток, или пить из водопроводного крана, или играть с бумажными птицами?! И ладно б все это делала собака или кошка, а то ведь пичужка! И как в такой крохотной головке по-являлись столь сложные мысли?!»

Это — дар Божий для писателя: постоянно удивляться миром вещей, миром зверей, миром людей — Миром. Удивление на каждой странице книги... Впрочем, он такой и не только в своих произведениях, но и в беседах. Леонид Сергеев любит удивляться, не боится удивляться, и не боится писать об этом своём состоянии души.

...Зверинец-то у Леонида Сергеева большой. Хотел написать «был большой», но это не верно: он с ним, он живёт там, в своём «зверинце», иначе он не смог бы написать такую удивительно повесть «Железный дым»!

Три героя повести «Железный Дым»

В ней нет захватывающего сюжета, навороченных (читай, сумасбродных) приключений, в ней, казалось бы, нет и строго сфокусированной сверхзадачи. Но она там есть!

Два друга, пёс и человек, решили пройти на одноместной байдарке по реке Великой, отдохнуть, на родную землю посмотреть, подышать вольным воздухом. И вернуться домой. И вспоминать с великой радостью о реке Великой? Разве не сверхзадача? Без «супер приключений», но все-таки сверхзадача. Если не просто вспоминать, простите за повторы, «тму вещей», но написать главное, самое интересное.

А что здесь самое интересно? — Русские люди, их жите-е-бытье, их душа нараспашку? И это, конечно же, интересно, потому что написано мастером-наблюдателем.

Но главными и самыми интересными, на мой взгляд, в этой не большой по-вести являются Человек, Собака и житейский, творческий диполь «Леонид Сергеев — Железный дым». Именно так: «житейский, творческий диполь». Потому что в любой сценке они не просто присутствуют, но становятся главными её героями, будто бы подсматривающими друг за другом и оценивающими поведение друг друга и, каждый по-своему, оценивающими и себя, и друга, и сам диполь «Собака — Человек», и подстраивающими свое поведение, исходя из главного принципа прозы Леонида Сергеева: чтобы никому не сделать плохо.

Ненавязчиво и мудро автор проводит мысль о том, что «человек по натуре добр», и «пёс по натуре добр», и ... их житейский диполь по натуре добр. Да, и дети, и взрослые знают, что иной раз случается неожиданное: в житейском диполе «добрый челок – добрый человек» вдруг рождается зло. С героями произведений Леонида Сергеева такого произойти не может.

И читатель быстро проникает в этот Диполь, удивляясь, радуясь, то есть, активно живя в нём. И, конечно же, по белому завидуя этим трём героям.

И еще одно качество Леонида Сергеева

Он сам на вид спокоен. И строка у него спокойная, без внешних эффектов и других писательских премудростей (читай, раздражителей), легкая на вид. Но там, внутри строки, всё это наше, «человеческое, слишком человеческое», есть. И есть там «человечкина душа». И «собачкина душа в ней есть». И «птичкина душа». И даже Гошкина душа.

И это интересно: наблюдать за движениями таких разных, но все-таки живых, душ! Интересно и детям, и взрослым.